
Широко известна была в своё время довольно длинная серия анекдотов про Василия Ивановича Чапаева. Об анекдотах про другого Василия Ивановича – маршала Советского Союза Чуйкова мало кто слышал. Сам маршал Чуйков не менее знаменит своей полководческой деятельностью в Великой Отечественной войне, чем комдив Чапаев в истории войны Гражданской. Заслуги маршала Чуйкова неоспоримы. Помимо официозных источников неплохо бы сослаться в этом плане на оценку деятельности Чуйкова писателем Василием Гроссманом в его книге «В годы войны». При всём своём полководческом таланте маршал Чуйков не имел не только высшего военного образования, но и вообще не отличался общей образованностью, что и приводило уважаемого полководца порой к казусным или даже анекдотичным ситуациям. После войны, когда надобность в его полководческом таланте существенно ослабла, В.И. Чуйков был назначен главным инспектором Министерства обороны СССР. В этом качестве он прибыл однажды с инспекцией в Военную академию связи. В ходе инспекции В.И. Чуйков знакомился с деятельностью научных кафедр. Пока ему показывали кафедры чисто военных дисциплин как то стратегии и тактики, организации связи и т.п. особых вопросов у маршала не возникало. Знакомясь с кафедрами приёмных и передающих устройств, военных радиостанций, он, хотя и не мог вникнуть в сложные научно-технические вопросы, которыми занимались эти кафедры, всё же понимал, что здесь изучается и разрабатывается какая-то сложная техника, и благоразумно воздерживался как от замечаний, так и от неуместных вопросов. Но вот он увидел на дверях табличку «Кафедра антенн». Специалисты понимают, что на этой кафедре изучаются сложные теоретические проблемы распространения радиоволн, что в основе этих научных проблем лежит самый сложный из известных науке раздел математики. Но опыт Великой Отечественной войны вызвал у Василия Ивановича единственную ассоциацию, связанную со словом «антенна» - какой-нибудь металлический штырь или кусок проволоки, натянутый между деревьями. Поэтому он, остановившись перед увиденной табличкой с названием кафедры, возмущённо воскликнул: «Этта ещё что такое!! Вы бы ещё штепсельно – розеточную кафедру придумали!»

Мало известны широкой публике также анекдоты про другого маршала, а именно Главкома ВВС главного маршала авиации Павла Степановича Кутахова. Эти анекдоты известны, наверное, только авиаторам, да и то лишь тем из них, кто проходил службу в 70 –е и 80 –е годы.

Маршал авиации Кутахов, надо заметить, был не каким-нибудь там высшим военным чиновником. Он был настоящим авиатором, боевым военным лётчиком, дважды Героем Советского Союза, одержавшим во время

Великой Отечественной войны десятки побед в воздушных боях. Павел Степанович продолжал летать на самых современных сверхзвуковых истребителях до шестидесятилетнего возраста. То есть он был, как говорится, летающим маршалом. Среди советских авиаторов он пользовался несомненным авторитетом и уважением. Конечно, будучи уже Главнокомандующим ВВС, он был в некотором смысле и чиновником тоже, и определённые чиновничьи повадки ему были не чужды. Мне вспоминается иногда эпизод из моей жизни, когда мне довелось побывать в Главном штабе ВВС на Кутузовской набережной в Москве. На меня тогда произвела впечатление система охраны штаба. Стоявшие у пропускных турникетов рядовые солдаты охраны носили не голубые авиационные погоны, как можно было ожидать, а красные - общевойсковые. Они вели себя с каким-то особым достоинством. Брали из рук проходивших как на вход, так и на выход пропуска, не спеша и внимательно прочитывали в этих пропусках всё от первой до последней буквы, трижды неторопливо сверяли лицо владельца пропуска с фотографией в нём и лишь затем, возвратив пропуск и отдавая честь, разрешали проход. При этом, если скапливалась очередь на вход или на выход, их это нисколько не смущало. В очереди смиренно стояли и полковники, и генерал-майоры, и генерал-лейтенанты... Но это, разумеется, к чиновничьим причудам никакого отношения не имеет. Просто нормальный строгий порядок. Но вот, пройдя процедуру проверки, я оказался в просторном вестибюле, похожем на вестибюль пятизвёздочного отеля. Четыре лифта. Три из них заняты, а четвёртый – свободен. Просторный, с приветливо раскрытыми дверьми, ярко освещённый. А в уголке кабины лифта сидит на стульчике бабуля – этакий божий одуванчик. Я, естественно, направился к этому свободному лифту, и занёс уже, было, ногу, чтобы в него войти, как вдруг этот божий одуванчик, бабуля эта, резво вскочила со своего стульчика, и лицо её, мгновенно покраснев, выразило негодование и ужас одновременно. «Вы куда?!» – сдавленным шёпотом закричала она. При этом глаза её напомнили мне почему-то Громозеку из известного мультфильма по роману Кира Булычева. «Как куда? – недоумённо ответил я, - мне на седьмой этаж нужно, в управление кадров». «Вы что?! – оглушительно продолжал шипеть одуванчик. При этом глаза бабули не только не вернулись на свои места. но, упёршись мне в грудь, буквально выталкивали меня обратно в вестибюль, - это же МАРШАЛЬСКИЙ ЛИФТ!!!». Мне пришлось ретироваться. Заходя в другой, освободившийся к тому времени лифт, я оглянулся. Бабуля снова сидела на своём стульчике, вроде бы как ни в чём ни бывало, но лицо её, всё ещё красное, резко контрастировало с седым венчиком редких волос и выдавало только что перенесённый стресс. Как бы бедняжку удар не хватил, - подумал я, но к маршальскому лифту больше никогда не подходил.

Как то раз маршал Кутахов отлетал смену на одном из аэродромов 69 Воздушной армии. После полётов в сопровождении командарма, командира истребительно-авиационной дивизии и своего адъютанта отправился на обед в лётную столовую. Стол там был накрыт, как полагается, по первому разряду. Обслуживал начальник продовольственной службы дивизии собственной персоной. Вернее он даже не обслуживал, а руководил обслуживанием как завзятый метрдотель. Правда, образу метрдотеля не вполне соответствовала его фигура, затянута отнюдь не во фрак, а в скрывавшую под собой майорские погоны белую – первой категории – новенькую поварскую куртку примерно этак 64 размера. Большого, наверное, на складе не нашлось, потому что от застёгнутых пуговиц всё равно расходились лучами волнистые складки. Лицо майора сияло счастьем, пышные усы топорщились на пухлых щеках. Казалось, сними он фуражку, и из-под неё вывалится лихой запорожский оселедец. Наверное, поэтому он фуражку и не снимал, и из-под неё катились по вискам капельки пота. Однако очень хотелось отрапортовать при встрече по всей форме, отдав честь лихо под козырёк, а не как-нибудь. Гости уселись за стол. Шеф-повар старшина сверхсрочник такой же тучный как и его начальник, тоже в белой куртке, но уже не в фуражке, а в белом же поварском колпаке, подкатил тележку с подносом, и поставил на стол дмящиеся тарелки с борщом, а также маленькие тарелочки со свежими, натёртыми чесноком, пампушками. Начпрод, не снимающий с лица счастливую сияющую улыбку, при этом приговаривал: «Вот, товарищ маршал, отведайте нашего борща. Это ж настоящий украинский. Да Вы с перчиком, с перчиком»... Павел Степанович, видимо довольный проведёнными полётами, в благодушном настроении, потянулся к столовому прибору. Взял перчницу, тряхнул над своей тарелкой, но перца почему-то не появилось. Тряхнул ещё – ничего. Снова тряхнул, уже сильнее. Крышечка с перчницы сорвалась и упала в тарелку, а за ней посыпался пепел и вывалились два окурка. Последовала немая сцена, ну прямо как в «Ревизоре». Но недолго. Комдив, повернувшись к начпроду, показал ему кулак: «Ну я тебе покажу перчику!»

Другой анекдот тоже связан с послеполётным обедом. На сей раз рядом с главкомом не было адъютанта. Кутахов сам отправил его с каким-то поручением. И адъютант начпрода не предупредил. О чём? Ну это будет понятно из дальнейшего изложения. Когда подали обед, Павел Степанович, оглядел стол и спросил начпрода: «А чаёк мой где?». Начпрод, встревоженный неожиданным вопросом, засуетился. «Сейчас будет, товарищ маршал». И помчался к раздаче. «Чай Главкому, быстро!!!». Полминуты не прошло, на стол поставили стакан горячего чая. Начпрод едва успел подумать: что за причуда такая, перед обедом чай пить. Ну, так ведь у

маршалов свои привычки. Надо будет на будущее на заметку взять. Кутахов тем временем о чём-то увлечённо разговаривал с комдивом. Наверное обсуждали только что проведённый учебный воздушный бой, потому как размахивали в воздухе руками, изображая ладонями то цель, то перехватчик. Краем глаза маршал видел, что ему под правую руку стакан поставили. Поэтому, завершив очередной манёвр правой ладонью – перехватчиком, которая успешно поразила левую ладонь – цель, он, не глядя, потянулся за стаканом, крепко с азартом от только что проведённого «боя» схватил его и тут же от неожиданности – горячий ведь! – швырнул в сторону, в аккурат под ноги начпроду. Стакан – понятное дело – вдребезги. Не будь начпрод в сапогах, точно бы ноги ошпарил. Не знал бедняга, что главкомовский чаёк – это и не чай вовсе, а стакан коньяка. Подвёл, короче говоря, адъютант.

Даром что на партийных собраниях то и дело критиковали «кампанейщину». Надо, мол, не кампаниями, а постоянно и неуклонно... Тем не менее, кампании время от времени затевали. То одну, то другую. Затяли как-то кампанию по борьбе с курением в учреждениях. На самом высоком уровне затяли, аж в самом ЦК. Так ведь и правильно затяли. На заседаниях и в кабинетах так бывало накурят, не то что не продохнуть, на вытянутую руку и не видно же ничего. Посмотрите любой фильм, про двадцатые – тридцатые годы: что ни собрание – дым коромыслом. А в шестидесятые – семидесятые на много лучше что ли было? На любом совещании на столе пепельницы переполненные, окурки на стол вываливаются. Даже в начальственных кабинетах потолки закопченные. А в общих помещениях контор разных, бюро – неистребимый табачный запах, да что там запах, прямо скажем – вонь. Короче повели кампанию. Циркуляры разные, распоряжения... Таблички поразвесили «НЕ КУРИТЬ!!!». Отвели специальные места для курения, как правило, на лестничных площадках. Да ведь толку от этого мало, всё равно дым табачный по всему зданию расползается. Короче говоря, отучать надо людей от курения. Ведь и времени рабочего сколько теряется. Раньше на рабочем месте курили, без отрыва, так сказать, от производства. А теперь то и дело перекуры на лестнице, совсем работать перестали. Нет, точно надо отучать. Совсем. Да как отучишь-то? Это ведь потруднее, чем борьба с пьянством.

В Главном штабе ВВС тоже курилки на лестничных площадках устроили. Вышел как-то маршал Кутахов на площадку. Все, конечно, руки по швам, сигаретка – в кулак. Товарищи офицеры!!! И тишина. В этой тишине Павел Степанович, тоже тихим голосом, но отчётливо так: «Курящий офицер не перспективен». И ушёл. Площадка как то быстренько тоже опустела. Говорят, число курильщиков в Главном штабе после этого заметно уменьшилось.

Забавный случай произошёл с моим отцом летом 1945 года. Вскоре после Победы он приехал в командировку в Ригу. К служебному заданию он должен был приступить сразу же по прибытии, а устройство в гостинице откладывалось до вечера. Поэтому прежде всего надо было избавиться от лишнего груза, то есть сдать в камеру хранения выдавший виды командировочный чемоданчик. Поставив свой нехитрый багаж на стойку, отец стал объяснять приёмщику, что чемоданчик, мол, довольно потрепанный, фронтной ещё, замки на нём не работают, так что, извиняюсь, значит, и прошу быть повнимательнее. Приёмщик – старый латыш – ни слова по русски не понял, но догадался о чём речь и, покивав сочувственно головой, ответил „sarput“, что значит по-латышски «понятно». Отец мой, не понимающий ни слова по-латышски, услышав слово „sarput“, прервал свои извинения и замер с открытым ртом.

- То есть как это сопрут?!, - возмутился он. Я ведь вам для чего сдаю чемодан? Чтобы вы его сохранили, а не для того, чтобы его у вас спёрли. Что за безобразие! У вас тут камера хранения или что? Вы вообще-то отвечаете за сданный вам багаж?

Приёмщик, естественно, из этой длинной тирады совсем уже ничего не понял, но перепугался не на шутку. Как-никак перед ним стоял офицер советского военно-морского флота, и его гневная речь не сулила ничего хорошего. Побледнев и совсем растерявшись, старик затряс головой и пролепетал „ne sarput“ – не понимаю, мол.

- Вот это другое дело,- успокоился отец. Если не сопрут, то оставляю вам чемодан до вечера. Там в общем-то ничего ценного нет: бельё да туалетные принадлежности, но вещи, сами понимаете необходимые. Так что смотрите, короче говоря, чтоб не спёрли, - забрал положенный на стойку жетон и отправился по своим делам.

[Вернуться на главную
страницу](#)